

Михаил Серёгин

Контрольная молитва

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Серёгин, М.

С32 Контрольная молитва / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 398 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00405-5

Прошедший Афган спецназовец Михаил Шатунов уходит от мира и становится священником. Отец Василий теперь по-другому смотрит на людей и их проблемы, становится более терпимым и заботливым. Но когда бандиты угрожают его близким, прежние навыки спецназовца у отца Василия просыпаются сами собой...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00405-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Часть I

Он выбил окно ногами и кубарем влетел в актовый зал. Осколки стекла с шелестом осыпались вокруг. Он осмотрелся. Справа, на сцене, клубилось варено человеческих тел в одинаковых серых спецовках — зэки.

— Шату-ун! — заорал из толпы Бош. — Мишаня-а-а!

Михаил побежал на зов, давя трещащие под ногами стулья, прыгнул на сцену и начал молотить зэков дубинкой по головам. Серая масса дрогнула, изменила окраску и поперла на него с выпученными глазами, оскаленными зубами и хищно пронзающими воздух заточками.

Михаил молотил направо и налево, со свистом рассекая воздух дубинкой, щитом отжимая тех, что слева, и пробиваясь к Бошу и Мулле. Резко ухудшилась видимость — это полетели через окно газовые гранаты. Толпа дрогнула и потекла со сцены вниз и к выходу. Бош сидел у стены, расставив руки в стороны, словно распятый на кресте.

— Бош! — позвал он. — Бош! Ты живой?!

Бош не отвечал.

Михаил вгляделся. Из подмышек Боша, единственных не защищенных бронежилетом местах, веером торчали заточки. Он был мертв.

Михаил глянул правее. Там, на залитом кровью полу, лежал Мулла. Его достали ломом, который так и торчал откуда-то снизу, между ног. Михаил наклонился, рывком выдернул лом и, заметив боковым зрением неясную тень, инстинктивно пригнулся. Что-то жестко чиркнуло по шлему, он развернулся и наотмашь саданул ломом в газовый туман. Зэк хрюкнул и сел на пол.

Там, у дверей актового зала, еще давилась надрывно кашляющая толпа, и Михаил, отбросив щит, взял лом наперевес и двинулся к ней. Серая масса судорожно подергивалась, но передние застряли в проеме и мешали задним. Михаил выдавил их наружу и погнал «железной розгой» сначала по лестнице вниз, а затем и по тротуару.

Справа и слева уже сомкнули сверкающие на солнце щиты бойцы из батальона ВВ, и зэкам деться было некуда. Они отслаивались от толпы, падали под ударами спецгруппы, пытались отползти, но их тут же окружали солдаты, и бунтовщики быстро становились похожими на сочащуюся свежей кровью отбивную. Михаил гнал их до самого пищеблока, чувствуя, как хрустят под его ударами позвонки и черепа и трещат порванные заостренным концом лома одежда и плоть. Зэки еще пытались укрыться в подсобках при столовой, но и здесь их поджидали.

Последнего зэка Михаил зажал в угол, как мышь на кухне. Тот заметался, но понял, что деваться некуда, повернулся к нему лицом и умоляюще посмотрел в глаза.

Это был совсем мальчишка. Лет восемнадцати. Хотя выглядел он еще моложе. И на кого-то был похож...

— Не надо, дяденька! — хватал он воздух ртом. — Не надо!

Михаил зачем-то придержал удар и вдруг понял, что ему смертельно хочется испытать, как хрустнет эта хилая грудная клетка под его ударом. Он снова занес лом, и пацан затравленно вжался спиной в угол, ожидая смерти.

Далеко сзади устрашающе громыхал щитами спецбатальон, добивая отрезанные от основной массы группы бунтовщиков.

Его дыхание тяжело рвалось из противогаза, и Михаилу стало нестерпимо душно, он взмок и теперь уже хотел только одного: закончить с этим поскорее... Он снова занес лом и... проснулся.

Отец Василий подскочил, сел на кровати и вцепился пальцами в большой серебряный нательный крест.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

По лицу катился пот, дыхание было прерывистым, отчаянно разнылся пробитый в тот раз бок. Он огляделся, словно для того, чтобы еще раз убедиться, что с той, прежней, жизнью покончено. Мирно тикали ходики, повернулась на бок и прижалась к его подушке Олюшка, а за окном уже занимался июльский рассвет. Отец Василий тяжело поднялся с кровати и побрел на кухню. Включил свет и глянул на часы: 4.30 утра.

Он взял с расписной дощечки большую алюминиевую кружку, набрал из ведра воды и выглянул в окно на заваленный строительным материалом двор.

«Стройку надо завершать! — покачал он головой. — Нехорошо будет, если доски под снег уйдут!»

Отец Василий отпил из кружки и сел на заляпанный присохшей краской табурет у окна. Этот сон преследовал его уже восемь лет подряд, сначала чаще, потом реже. И каждый раз он метался во сне, судорожно пытаясь проснуться чуть раньше того момента, когда он ЭТО сделает, и вскакивал в поту и смятении.

На самом деле он мальчишку так и не ударил. Старлей окликнул его и тут же направил в пищеблок на помощь второму взводу. Но каждый раз во сне он этого не знал.

Бунт разразился внезапно по какому-то пустяковому поводу, хотя ситуация созревала давно. Начальство било тревогу еще в девяносто втором, когда на зоне прикрыли деревообрабатывающее производство, но стране было не до того. Затем зону подуплотнили, затем на воле начался передел сфер влияния между авторитетами... Вот и нагнеталась обстановка — шаг за шагом, этап за этапом. Понятно, что, когда дела не идут, начальство подналегает на дисциплину, и правильно делает — иначе развал и распад. Так было и в этот раз, но в чем-то зам по режиму просчитался. Результат: трое заживо сваренных в паровых котлах пищеблока стукачей, четырнадцать трупов среди зэков, двое убитых солдатиков и два погибших бойца роты специального назначения, в которой служил сержант-сверхсрочник Михаил Шатунов, ныне отец Василий.

Тогда он был еще далек от понимания своей судьбы.

Карьера строилась неровно, служба протекала с перебоями, но все-таки держалась в едином русле. Сначала два года срочной в Афгане, легкое ранение и орден Красной Звезды. Затем подвернулись «покупатели» из службы охраны западного посольства и ребята из роты спецназа, и он выбрал спецназ — два тяжелых ранения и еще один орден Красной Звезды. А потом начались проблемы. Роту по непонятным, а точнее, по вполне понятным для специалистов причинам расформировали, и ему снова пришлось искать работу.

Пять лет он то взлетал, то падал, но всегда держался своих и точно знал: то, что он делает, может быть, самое важное, самое нужное для страны, потому что если они не смогут унять этих отмороzków, то кто вообще сможет их унять?!

А потом к ним пришел поп. Это было в девяносто третьем, когда власти уже вовсю заигрывали с церковью и даже сам президент с удовольствием стоял перед камерой со свечкой в руке и масляной улыбкой на холеной роже.

— Слушай меня, бойцы! — объявил перед визитом ротный. — Сегодня вместо общественно-политической подготовки будет батюшка; никому не ржать, шибко умных из себя не строить! Если кто не понял, объясняю: уйдет батюшка — шкуру спущу!

— А если я, к примеру, мусульманин? — ехидно поинтересовался Мулла.

— Значит, просто сиди, — придавил его взглядом к стулу ротный. — От тебя не убудет.

Священник оказался молоденький, но приткий. Свою позицию он изложил в популярной, доступной, почти казарменной форме, в два часа уложился, а в качестве презента раздал каждому из бойцов по маленькой книжке в пластиковой обложке.

— И эта вся Библия?! — поразился тогда Михаил. — Не гу-усто...

— Если кому не надо, не выкидывать, — своевременно вмешался ротный. — Придут молодые, будут читать.

— Перед сном! — заржал Гусь. — Чтоб лучше дро-чилось.

— Отставить смефуечки! — рявкнул ротный.

— А при чем здесь это? — повернулся к Гусю Михаил.

— Знаешь, Шатун, — зло хмыкнул Гусь. — Меня этим фуфлом с четырех лет пичкали! Вот где сидит! — он провел рукой поперек горла. — Кто с кем спал, да кого родил, да кто своих дочерей поимел...

— Да ну?! — не поверил Михаил.

— Бля буду, Шатун! — сплюнул на газон Гусь. — Ее озабоченные писали!

Михаил пожал плечами, раскрыл книжку и прочитал: «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы».

Фраза показалась ему интересной, и он начал примерять ее то к одному своему знакомому, то к другому. Подходило... Настоящих-то отморозков среди них не было; настоящим он лично ребра ломал на каждом выезде, но вот что удивительно: человечки, все до

единого, отчаянно сторонились освещения своих темненьких сторон — тем отчаянней, чем темнее делишки! Михаилу показалось это забавным.

Следующие две-три недели он развлекался: самым невинным тоном спрашивал у людей о чем-нибудь таком и с наслаждением наблюдал, как багровеют их лица и сжимаются кулаки. Они все «боялись света». Набить ему — Шатуну морду никто не мог, да и вопросы он задавал самые невинные. Но как их цепляло! В «десятку»! Такого классного развлечения у него еще никогда не было.

«Придурки! — с презрением думал он. — Как же вы, козлы, еще умудряетесь себя уважать?» Он понимал, что не смог бы с таким говном внутри отважиться ни на один боевой выезд, и уже видел, что только поэтому они все и не занимаются настоящей мужской работой, а так, по офисам да конторам копейки сшибают, доносы один на другого строчат да тех, кто послабее, подсиживают.

Собой он гордиться мог. За двумя орденами кое-что стояло — товарищей не бросал, от опасности не уклонялся.

А потом случился этот бунт...

Ровно три дня носил в себе это Шатун, огрызаясь даже на ротного, а потом понял: было! Было и в нем такое, в чем он не признался бы никому. И ордена уже не помогали. Он слишком себя уважал, чтобы прятать это от себя: он хотел убить того молодого пацана у стены пищеблока. И не потому, что тот что-то сделал, юный заключенный никаким боком не был причастен к убийству Боша и Муллы. И не потому, что пацан был зэк, а значит,

по-любому, виновен. Тогда Мишке было на это абсолютно наплевать. Он просто хотел ощутить, как лопнут эти косточки под его ударом и с каким аппетитным причмоком войдет в тщедушное тельце его лом...

А на четвертый день ротный пригласил его в кабинет, усадил рядом с собой и положил свою тяжелую, красную руку ему на плечо.

— Вот что, Шатунов, — сказал ротный. — Я понимаю, что такое — гибель товарищей, сам терял. Но ты не должен себя винить! Это — наша работа, и каждый из нас готов исполнить свой долг до конца. Поверь мне, их смерть — не твоя вина, и эта смерть не напрасна!

— Я знаю, — проглотил комок в горле Михаил.

— Бошкевича и Муллаева не вернуть, — вздохнул ротный. — Но жизнь вместе с их гибелью не кончилась, и служба наша боевая не кончилась. Даю тебе неделю. Напейся, бабу себе новую подцепи, ну я не знаю... домой, что ли, съезди, если захочешь, или вон к нашему штатному психологу зайди — классный мужик, говорят, хоть и работает у нас всего неделю... но с таким настроением надо кончать. Ты все понял?

Михаил только покачал головой.

Он заперся в своей комнатке в общежитии на Подгорной улице и думал. Если честно, ему было плевать на того пацана, да и вообще на всех, кого он, как теперь понимал, увечил не только во благо Отчизны. Все они были отморозки и знали, на что шли. Ему и теперь было на них наплевать. Но на себя он наплевать не мог. Он привык себя уважать, а теперь это не получалось.

«Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, пото-